

УДК 141.3

Перспективы развития когнитивной теории метафоры

Суханов Евгений Павлович

Аспирант,
кафедра социальной психологии,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: skvisgaar@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается философский контекст когнитивной теории метафор. Метафора анализируется с позиций ее глубокой встроенности в язык, его структуру и атрибутику, как часть представлений человека о мире, его мышления в целом. Автор обосновывает общие тенденции развития когнитивной теории метафор через качественно новые аспекты. Метафора рассматривается в свете трех основных положений: метафоричность свойственна языку как его сущностная особенность, метафорический и бессознательный характер понятийной системы языка. Главным методологическим основанием когнитивной теории метафор выдвигается структурализм, с которым теорию метафоры роднит отношение к языку как к важнейшему феномену психологии человека. В результате методологического анализа делается вывод о том, что, постструктурализм, развивающий идеи своего предшественника, в частности постулат о познании структуры слова не в качестве конечной цели, а в качестве основного инструмента языкового анализа, может стать новой методологией когнитивной теории метафор.

Для цитирования в научных исследованиях

Суханов Е.П. Перспективы развития когнитивной теории метафоры // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. № 4. С. 33-44.

Ключевые слова

Когнитивная лингвистика, метафора, когнитивная теория метафоры, метафоричность понятийной системы, методология, структурализм, постструктурализм.

Введение

Когнитивная теория метафор – направление исследований в современной когнитивной лингвистике, обладающее большим методологическим и эмпирическим потенциалом. С точки зрения сторонников данной теории, метафора глубоко встроена в язык и является существенным атрибутом как языка, так и мышления человека. Метафоры, осознанно или неосознанно, используются в повседневной речи, составляя существенную часть представлений человека о мире [Салливан, Рэз, 2011].

Как вышеупомянутые положения, так и сама когнитивная теория метафоры глубоко проработаны на уровне конкретно-научной методологии, наравне с представлениями о метафоричности языка и мышления, лежащего в основе данной теории [Арутюнова, 1998; Гак, 1988; Геворкян, 2012; Дэвидсон, 1990; Лакофф, Джонсон, 1990; Рикёр, 1990; Black, 1955; Müller, 1960], а также более частных представлений: о видах и функциях метафор [Kövecses, 2002; Steen, 2008], процессе метафоризации [Телия, 1988; Lakoff, 1993], роли метафор в процессе научного познания [Boyd, 1993; Kuhn, 1993], о формировании морали [Denham, 2000] в процессе убеждающей и политической коммуникации [Будаев, Чудинов, 2006; Гулевич, 2007; Кара-Мурза, 2009], в психотерапии [Карвасарский, 2000; Салливан, Рэз, 2011; David, Panzer, 1989], в организационной диагностике [Morgan, 1998] и маркетинге [Zaltman, Zaltman, 2008]. Однако методологические основания когнитивной теории метафор не проработаны. основополагающие метапредметные принципы, лежащие в основе представлений о метафоре, как о важнейшей структурной единице языка и когнитивных процессов, не являлись до сих пор предметом специального научного изучения. Мы считаем, что поиск методологических оснований для когнитивной теории метафор позволит осуществить конструктивный анализ ее современного состояния как научного знания и поможет определить общие тенденции ее развития через качественно новые аспекты.

Когнитивная теория метафоры в основных понятиях и тезисах

В связи с этим нам необходимо рассмотреть основные идеи, понятия и процессы когнитивной теории метафор, выделяя их природу и психологические механизмы. В первую очередь, важно заметить, что метафора, в рамках исследуемой нами теории, не рассматривается как поэтическое и риторическое выразительное средство. В противоположность широко распространенному убеждению о том, что метафоры принадлежат скорее к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения, высказывается иная точка зрения. В соответствии с ней метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. Обыденная понятийная система человека, в рамках которой он мыслит и действует, метафорична по самой своей сути. Понятия, влияющие на мышление, не замыкаются в сфере интеллекта. Они также оказывают влияние

на повседневную деятельность, включая самые обыденные ее детали. Понятия упорядочивают воспринимаемую реальность, способы поведения в мире и контакты с людьми. Понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. Сторонниками когнитивной теории метафоры предполагается, что понятийная система носит преимущественно метафорический характер, поэтому мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой.

Вторым важным положением когнитивной теории метафор является представление о бессознательном характере значительной части понятийной системы человека. В повседневной деятельности люди чаще всего думают и действуют более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы для человека совсем не очевидно. Один из способов их выявления состоит в обращении к естественному языку. Поскольку естественно-языковое общение базируется на той же понятийной системе, которая используется в мышлении и деятельности, язык выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет [Лакофф, Джонсон, 1990].

Третьим важным положением, на которое мы опираемся в своем анализе, является понимание того, что метафора глубоко встроена в язык и является его сущностной особенностью. Ф. Ницше фактически обосновал идею, что каждому значению слова исходна метафора: «Итак, что такое истина? Движущая толпа метафор, метонимий, антропоморфизмов, – короче, сумма человеческих отношений, которые были возвышены, перенесены и украшены поэзией и риторикой, и после долгого употребления кажутся людям каноническими и обязательными: истины – иллюзии, о которых позабыли, что они таковы; метафоры, которые уже истрепались и стали чувственно бессильными; монеты, на которых стерлось изображение и на которые уже смотрят не как на монеты, а как на металл» [Ницше, 2003, 362]. Ницше очень точно подмечает наличие в языке метафорических выражений, которые, как и свойственно метафорам, изначально обладали большой эстетической ценностью, были убедительны и достаточно емко описывали ту или иную область реальности. Именно в силу своей насыщенности такие метафоры не стали достоянием истории, но вошли в язык, заняв в нем свою нишу, закрепив за собой обыденное значение, тем самым стершись и утратив первоначальную силу. В дальнейшем К. Мюллер назвала подобные метафоры мертвыми. В своей книге «Метафоры, мертвые и живые, спящие и бодрствующие» ученый говорит о том, что так называемые «мертвые» метафоры являются таковыми только на осознанном уровне. Мертвая метафора может проявляться не только на вербальном уровне (о чем речь пойдет ниже), но и на уровне иллюстрирующих жестов. В качестве примера Мюллер подробно разбирает рассказ о грустной неделе одного из испытуемых, в котором использующееся слово *depressed* («мертвая») – метафора от *press down* (дословно «давить вниз»), сопровождающаяся медленным опускающимся, давящим движением руки [Müller, 1960].

Помимо таких достаточно примитивных метафор существуют и более сложные. Так, Лакофф и Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» описывают метафору «Спор – это война». Эта метафора проявляется в большинстве языковых выражений, так или иначе затрагивающих тематику спора, и во многом определяет поведение спорящих людей. Люди не просто говорят о спорах в терминах войны, они реально побеждают и проигрывают в полемике, человек, с которым происходит спор, воспринимается как противник. Оппоненты защищают свои позиции и атакуют чужие. Они планируют свои действия и придерживаются определенной стратегии. В споре нет физического сражения, но происходит метафорическая битва, обусловленная самой структурой языка. Поэтому данная метафора спора не просто определяет, какими словами мы называем свои действия, она упорядочивает те действия, которые мы совершаем в споре [Лакофф, Джонсон, 1990].

Последним важным положением, которое позволит нам перейти к анализу философской методологии когнитивной теории метафор является представление о процессе метафоризации. Дж. Лакофф в своей работе «Сравнительная теория метафор» пишет о том, что в основе процесса метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами двух семантических категорий, одна из которых проецируется на другую: сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в сферу-мишень элементы первой, сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром, структурируют менее понятную сферу-мишень. Это составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Иными словами, подобная метафорическая проекция позволяет человеку встроить новую информацию в свой опыт за счет соотнесения ее с уже знакомым опытом. При этом этот процесс осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между самими этими структурами. Лакофф выдвинул предположение о том, что при метафорической проекции в сферу-мишени частично сохраняется структура сферы-источника. Оно легло в основу гипотезы инвариантности (*Invariance Hypothesis*) [Lakoff, 1993].

Представления о подобной неосознаваемой структуре, лежащей в бессознательном и накладывающей свой отпечаток на когнитивные процессы человека, не являются изобретением авторов когнитивной теории метафоры. О структурирующей деятельности бессознательного впервые сказал К. Леви-Стросс, описывая закономерности духовной и материальной жизни первобытных обществ [Леви-Стросс, 2001]. Применяв аналитический аппарат языкознания к лингвистическому материалу, а также приняв допущение, что «культура обладает строением, подобным строению языка», он заложил основы такого методологического направления, как структурализм [Косиков, 2000].

Подобные идеи встречаются и в концепции Ж. Лакана. Однако если исследования Леви-Стросса имели этнологическую направленность, то научные интересы Лакана лежали в области психологии. Когда речь идет о сути лакановской концепции, в первую очередь говорят

о том, что, с его точки зрения, бессознательное структурировано как язык. Для того чтобы пояснить это утверждение, необходимо внести некоторые уточнения.

Описывая структуру психики, Лакан выделяет в ней три основных сферы: реальную (непосредственные жизненные функции), воображаемую (связанные с ними психические представления) и символическую (представления, опосредованные и преобразованные речью) [Лакан, 2002]. Лакан говорит о том, что символическая составляющая структуры психики осуществляется бессознательно, подключая человека к социальному порядку культуры. Таким образом, в рамках данной концепции, бессознательное (изначально заимствованное у Фрейда) денатурализовано, его витальные интенции уходят на второй план [Автономова, 1977]. Основным же атрибутом бессознательного, по Лакану, становится причастность к языку, который, преобразуя все представления в соответствии со своей структурой, является первоисточником бессознательного.

Теперь мы можем соотнести основные положения когнитивной теории метафоры и структурализма. В первую очередь, их объединяет отношение к языку как не к сугубо лингвистическому, но и важнейшему психологическому феномену. В соответствии с основными идеями структурализма, язык порождает бессознательное, которое становится его важнейшим атрибутом. Соответственно, и когнитивная теория метафоры говорит о том, что метафоры глубоко встроены в язык и не осознаются человеком. Лакан видит в бессознательном, а значит и в языке, ключевой фактор, определяющий когнитивную и мотивационную сферу. Лакофф говорит о том, что сама понятийная система метафорична, а многие метафоры могут определять особенности поведения в той или иной ситуации. Наконец, сама гипотеза инвариантности, являющейся основой представления о процессе метафоризации, соответствует важнейшему постулату структурализма. Когда Лакан говорит о том, что бессознательное структурировано как язык, он подразумевает, что бессознательное, сформированное в ходе усвоения человеком языка, сохраняет в себе многие закономерности, соответствующие структуре последнего. По сути, данная мысль является более общей формулировкой гипотезы инвариантности. Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что подобно тому, как язык на уровне символической составляющей психики структурирует бессознательное у Лакана, метафоры как структурные единицы языка выполняют аналогичную функцию, но на более частном уровне.

Таким образом, становится очевидной взаимосвязь между когнитивной теорией метафоры и структурализмом, а также возможность правомерного использования последнего в качестве философской методологии для данной теории. Вместе с тем, говоря о структурализме, нельзя не сказать о том, что данное направление философской мысли не закончило свое развитие на идеях Лакана. В последней четверти XX века появился и активно развивается постструктурализм, который в значительной мере переработал многие постулаты структурализма. В связи с этим закономерно рождается вопрос о том, может ли постструктурализм в качестве философской методологии когнитивной теории метафор

сменить своего предшественника и какие возможности он может дать для развития когнитивной теории метафоры.

Для ответа на этот вопрос необходимо дать краткое представление о постструктурализме. Постструктурализм представляет собой достаточно разнородную философскую и литературоведческую традицию, закрепившуюся в гуманитарных науках в конце XX века. А.В. Дьяков, выделяя общие тенденции различных постструктуралистских концепций, пишет о том, что в данной традиции сознание, зависимое от языка (символическая сфера психики, по Лакану), понимается как некое нестабильное образование, изменяющееся в зависимости от языкового материала. Каждый текст (а под текстом здесь понимается любая жизненная ситуация, для которой человек вырабатывает определенную норму ролевого поведения) предлагает воспринимающему его субъекту определенную речевую позицию, специфическим образом влияющую на его когнитивные процессы [Дьяков, 2010]. Иными словами, структура языка, с точки зрения последователей постструктурализма не является стабильной и неизменной. Она меняется вместе с развитием языка, причем это процесс носит индивидуальный характер для каждого человека и сопряжен со всей совокупностью его жизненных ситуаций.

Подобную непостоянную структуру в постструктурализме лучше всего описывает такое понятие, как ризома, введенное Делезом и Гваттари. От собственно структуры ризома отличается прежде всего своей нелинейностью и полиморфностью. Она постоянно меняется, и ее трансформации обуславливаются не внешним воздействием, а внутренним энергетическим потенциалом, способностью к самоорганизации [Грицанов, Абушенко, 2002]. Говоря о ризоме, Делез и Гваттари описывают такую своеобразную структуру, которая «не перестает воздвигаться и углубляться, в процессе, который не перестает продолжаться, развиваться и возобновляться» [Делез, Гваттари, 2010, 36]. Таким образом, основополагающее для структурализма понятие структуры у этих авторов раскрывается в совершенно ином свете. Это не единая для всех, предсказуемая, неизменная структура, которая, ложась в основу того или иного объекта, организует и упорядочивает его определенным образом. Напротив, это динамичный, постоянно меняющийся процесс со сложной изменчивой системой взаимосвязей.

Если мы понимаем метафору как важный элемент языка, структурирующий когнитивные процессы, то рассмотрение ее не как жесткой структуры, а как ризомы, открывает новые возможности. Одни и те же метафоры могут по-разному структурировать различные контексты. Язык неоднороден, и различные его носители владеют им в неодинаковой степени, начиная от знания специфической лексики или принятого в той или иной социальной группе жаргона и заканчивая общим лексиконом и уровнем владения языком. В связи с этим выделение групп общеязыковых метафор, таких, например, как «Спор – это война», может быть дополнено изучением специфики употребления метафор у различных носителей одного языка, а также употребления одних и тех же метафор в различных контекстах. В зависимости от всех этих условий, категории метафор не будут едиными для всех носителей языка,

а одни и те же метафоры, подобно ризоме, могут выделять в той или иной когнитивной сфере принципиально различные элементы.

Подытоживая основные методологические отличия структурализма и постструктурализма, воспользуемся тезисом Г.К. Косикова, утверждающего, что, хотя сам по себе факт выделения бессознательных структур обладает высокой объяснительной силой, само понятие структуры в структурализме является предельной целью научного анализа, которое включает в себе ключ к пониманию природы человека [Косиков, 2000]. Постструктурализм же, в свою очередь, стремится познать то, что лежит за структурой, воспринимая ее не в качестве конечной цели, а в качестве основного инструмента анализа.

Таким образом, постструктурализм призывает не абсолютизировать понятие структуры, так как фактически при этом игнорируется субъект. Абсолютизации структуры в данном подходе противопоставляется изучение взаимодействия субъекта с этой структурой, причем в этом взаимодействии главенствующее положение занимает именно субъект, а структура уходит на вспомогательный план.

Заключение

Перспектива развития когнитивной теории метафоры видится нам в смещении ее методологии в сторону постструктурализма. Безусловно, естественные метафоры языка, свойственные всем его носителям и так или иначе влияющие на их когнитивную сферу, обладают значительным влиянием. Однако помимо таких «всеобщих» метафор существует также множество других, более индивидуальных. Они образуются в результате социализации субъекта, при усвоении им нового опыта. Язык неоднороден, и отдельные его нюансы различаются у представителей различных социальных, профессиональных, возрастных, гендерных и иных групп. Поэтому структура языка субъекта, входящего в такие группы, будет обладать качественным своеобразием и вместе с тем она будет схожей с другими членами этих групп. Подобные соображения согласуются с результатами одной из наших предыдущих работ¹.

Конкретизируя мысль о том, что перспективным направлением развития когнитивной теории метафоры является обращение к постструктурализму, следует сказать, что предметом исследования должна быть не сама метафора. Внимание следует направить на анализ генетической природы метафоры, изучая специфические особенности процессов метафоризации у субъектов-носителей качественно своеобразного языка, свойственного, например, различным субкультурам, профессиональным сообществам, гендерным, возрастным и другим социальным группам. Мы считаем, что помимо очевидной теоретической ценности подобные исследования обладают значительным прикладным потенциалом.

1 Суханов Е.П. Когнитивная метафора как инструмент изучения образа профессии. Социальная психология и общество (в печати).

Библиография

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М.: Наука, 1977. 271 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердис-курсе. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006. 215 с.
4. Гак В.Г. Метафора: Универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.
5. Геворкян И.А. Когнитивная теория метафоры Эрла Маккормака // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 18-21.
6. Грицанов А.А., Абушенко В.Л. Ризома // История философии. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. С. 883-887.
7. Гулевич О.А. Психология коммуникации. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 384 с.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 895 с.
9. Дьяков А.В. Жак Лакан. Фигура философа. М.: Территория будущего, 2010. 560 с.
10. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 175-193.
11. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2009. 864 с.
12. Карвасарский Б.Д. (ред.) Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2000. 1024 с.
13. Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 3-48.
14. Лакан Ж. Образования бессознательного (Семинары: Книга V (1957/1958)). М.: Гнозис, Логос, 2002. 608 с.
15. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.
16. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс; 2001. 512 с.
17. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле. Минск: Харвест, 2003. С. 355-374.
18. Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 416-434.
19. Салливан У., Рэз Дж. Чистый язык и символическое моделирование. Эффективный коучинг через метафоры М.: Велигор, 2011. 252 с.
20. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М: Наука, 1988. С. 173-203.

21. Black M. Metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1955. Vol. 55. P. 273-294.
22. Boyd R. Metaphor and theory change: What is “metaphor” a metaphor for? // Metaphor and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 481-532.
23. David J.G., Panzer B.I. Resolving traumatic memories: Metaphors and symbols in psychotherapy. NY.: Ardent Media, 1989. 265 p.
24. Denham A.E. Metaphor and moral experience. Oxford: Clarendon Press, 2000. 376 p.
25. Kövecses Z. Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford University Press, 2002. 285 p.
26. Kuhn T. Metaphor in science // Metaphor and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 409-419.
27. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-255.
28. Morgan G. Images of organization. Toronto: Sage Publications, 1998. 349 p.
29. Müller C. Metaphors dead and alive, sleeping and waking: a dynamic view. Chicago: University of Chicago Press, 1960.
30. Steen G. The paradox of metaphor: Why we need a three-dimensional model of metaphor // Metaphor and symbol. 2008. No. 23. P. 213-241.
31. Zaltman G., Zaltman L. Marketing metaphoria: What deep metaphors reveal about the minds of consumers. Harvard: Business School Press, 2008. 230 p.

Prospects for the development of the cognitive metaphor theory

Evgenii P. Sukhanov

Postgraduate,

Department of social psychology,

Lomonosov Moscow State University,

119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;

e-mail: skvisgaar@yandex.ru

Abstract

The article deals with the philosophical context of the cognitive metaphor theory. The author analyzes the metaphor from the standpoint of its deep embeddedness in language, its structure and attributes. The metaphor is seen as part of human ideas about the world and person's thinking as a whole. The author describes general trends in the development of the cogni-

tive metaphor theory through a qualitatively new dimension. The metaphor is seen in the light of following points: metaphor is peculiar to the language as its essential feature, conceptual system of language has metaphorical and unconscious nature. The main methodological basis of the cognitive metaphor theory is considered to be structuralism as the theory of metaphor is similar to the attitude to the language as an essential phenomenon of human psychology. On the basis of the methodological analysis the author comes to the conclusion that post-structuralism develops ideas of his predecessor, in particular the postulate of knowledge that the structure of the word is not the ultimate goal, but as a basic tool of linguistic analysis, and that post-structuralism can be a new methodology of cognitive metaphor theory. But the author points out that the subject of the study should not be a metaphor itself. Attention should be focused on the genetic nature of metaphor and its specific features.

For citation

Sukhanov E.P. (2016) Perspektivy razvitiya kognitivnoi teorii metafory [Prospects for the development of the cognitive metaphor theory]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 4, pp. 33-44.

Keywords

Cognitive linguistics, metaphor, cognitive metaphor theory, metaphoricity of the conceptual system, methodology, structuralism, post-structuralism.

References

1. Arutyunova N.D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.
2. Avtonomova N.S. (1977) *Filosofskie problemy strukturnogo analiza v gumanitarnykh naukakh* [Philosophical problems of structural analysis in the humanities]. Moscow: Nauka Publ.
3. Black M. (1955) Metaphor. *Proceedings of the Aristotelian society. New Series*, 55, pp. 273-294.
4. Boyd R. (1993) Metaphor and theory change: What is "metaphor" a metaphor for? In: *Metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 481-532.
5. Budaev E.V., Chudinov A.P. (2006) *Metafora v politicheskom interdiskurse* [The metaphor in political interdiscourse]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
6. David J.G., Panzer B.I. (1989) *Resolving traumatic memories: Metaphors and symbols in psychotherapy*. New York: Ardent Media Publ.
7. Davidson D. (1987) What metaphors mean. *Critical inquiry*, 5, pp. 31-47. (Russ. ed. Davidson D. (1990) Chto oznachayut metafory. In: *Teoriya metafory* [The metaphor theory]. Moscow: Progress Publ., pp. 175-193.)

8. Deleuze G., Guattari F. (2009) *Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia*. Penguin Classics. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. (2010) *Tsytyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Moscow: Astrel' Publ.)
9. Denham A.E. (2000) *Metaphor and moral experience*. Oxford: Clarendon Press.
10. D'yakov A.V. (2010) *Zhak Lakan. Figura filosafo* [Jacques Lacan. The figure of the philosopher]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.
11. Gak V.G. (1988) Metafora: Universal'noe i spetsificheskoe [Metaphor: universal and specific]. In: *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow: Nauka Publ., pp. 11-26.
12. Gevorkyan I.A. (2012) Kognitivnaya teoriya metafory Erla Makkormaka [Cognitive metaphor theory of Earl McCormack]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 1 (27), pp. 18-21.
13. Gritsanov A.A., Abushenko V.L. (2002) Rizoma [Rhizome]. In: *Istoriya filosofii* [History of philosophy]. Minsk: Interpresservis Publ.; Knizhnyi Dom Publ., pp. 883-887.
14. Gulevich O.A. (2007) *Psikhologiya kommunikatsii* [Psychology of communication]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute.
15. Kara-Murza S.G. (2009) *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: Eksmo Publ.
16. Karvasarskii B.D. (ed.) (2000) *Psikhoterapevticheskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of psychotherapy]. St. Petersburg: Piter Publ.
17. Kosikov G.K. (2000) "Struktura" i/ili "tekst" (strategii sovremennoi semiotiki) ["Structure" and/or "text" (strategies of modern semiotics)]. In: *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: from structuralism to post-structuralism]. Moscow: Progress Publ., pp. 3-48.
18. Kövecses Z. (2002) *Metaphor: a practical introduction*. Oxford: Oxford University Press.
19. Kuhn T. (1993) Metaphor in science. In: *Metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 409-419.
20. Lacan J. (1957) *Les formations de l'inconscient*. Seuil. (Russ. ed.: Lakan Zh. (2002) *Obrazovaniya bessoznatel'nogo (Seminary: Kniga V (1957/1958))*. Moscow: Gnozis, Logos Publ.)
21. Lakoff G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In: *Metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 202-255.
22. Lakoff J., Johnson M. (1980) *Metaphors we live by*. University of Chicago. (Russ. ed.: Lakoff D., Dzhonson M. (1990) *Metafory, kotorymi my zhivem*. In: *Teoriya metafory* [The metaphor theory]. Moscow: Progress Publ., pp. 387-415.)
23. Levi-Strauss C. (1974) *Structural anthropology*. Basic Books. (Russ. ed.: Levi-Stros K. (2001) *Strukturnaya antropologiya*. Moscow: Eksmo-Press Publ.)
24. Morgan G. (1998) *Images of organization*. Toronto: Sage Publications.
25. Müller C. (1960) *Metaphors dead and alive, sleeping and waking: a dynamic view*. Chicago: University of Chicago Press.

26. Nietzsche F. (2001) *Unzeitgemässe Betrachtungen, Stück 2: Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben*. Adamant Media Corporation. (Russ. ed.: Nitsche F. (2003) *Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle*. In: *O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. Sumerki kumirov, ili Kak filosofstvovat' molotom. O filosofakh. Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle*. Minsk: Kharvest Publ., pp. 355-374.)
27. Ricoeur P. (1987) *La métaphore vive*. Editions de Seuil. (Russ. ed.: Riker P. (1990) *Metaforicheski protsess kak poznanie, vobrazhenie i oshchushchenie*. In: *Teoriya metafory* [The metaphor theory]. Moscow: Progress Publ., pp. 416-434.)
28. Steen G. (2008) The paradox of metaphor: Why we need a three-dimensional model of metaphor. *Metaphor and symbol*, 23, pp. 213-241.
29. Sullivan W., Reez J. (2008) *Clean language and symbolic modeling*. Crown House Publ. (Russ. ed.: Sallivan U., Rez Dzh. (2011) *Chisty yazyk i simvolicheskoe modelirovanie. Effektivnyi kouching cherez metafory*. Moscow: Veligor Publ.)
30. Teliya V.N. (1988) *Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira* [Metaforization and its role in the creation of the language picture of the world]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language. The language and the world view]. Moscow: Nauka Publ., pp. 173-203.
31. Zaltman G., Zaltman L. (2008) *Marketing metaphoria: What deep metaphors reveal about the minds of consumers*. Harvard: Business School Press.